

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

**АВГУСТ 2008: НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОШЛОЕ И ИЗВЕСТНОЕ БУДУЩЕЕ**

Статья посвящена анализу трансформационных процессов на постсоветском пространстве на примере августовского конфликта между Россией и Грузией. При изучении результатов и последствий событий августа 2008 года становится очевидным, что конфликт не исчерпан, и ситуация остаётся напряжённой и непредсказуемой. Автор убеждён в необходимости поиска новых принципов взаимоотношений государств на постсоветском пространстве с учетом современных реалий мировой политики.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/6.html](http://www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/6.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 28-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/](http://www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [voprosy\\_hist@gramota.net](mailto:voprosy_hist@gramota.net)

знака или другое искажение линии государственной границы с целью предания иностранному государству части России (ч. 2 ст. 117);

11) участие в сообществе, имеющем целью совершение государственной измены (ст. 118).

Таким образом, законодатель разработал достаточно разветвленную систему преступлений против государства, отвечающую политическому развитию России начала XX столетия, а также реально существующим международным отношениям. Объектом преступлений против государства выступали само существование государства, его целостность и независимость. Анализ положений третьей и четвертой глав Уложения позволил сделать вывод, что государственные преступления можно классифицировать на посягательства, направленные против государственных основ, существующего порядка правления (бунт, преступления против монарха и членов его семьи) и посягательства, направленные на подрыв внешних интересов государства (измена, прежде всего военная).

#### *Список литературы*

1. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Краткий курс уголовного права. Киев: Петр Барский, 1908. 256 с.
2. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
3. **Евангулов Г. Г.** Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Слово, 1903. 400 с.
4. **Козаков М.** Адвокат. Иск и защита. М.: Типография «Владимир Чичерин», 1912. 312 с.
5. **Малиновский И.** Лекции по истории русского права. Ростов н/Д: Издательство Товарищества «Единение», 1918. 488 с.
6. **Романовская Е. Б., Рогов С. Л.** Политические преступления по Уголовному уложению 1903 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 183-187.
7. **Уголовное уложение 1903 г.** // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1904. Собрание третье. Т. XXIII. № 22706.
8. **Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.** // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV.

#### **SYSTEM OF CRIMES AGAINST STATE ACCORDING TO CRIMINAL CODE OF 1903**

**Galina Vital'evna Arsen'eva**, Ph. D. in Law, Associate Professor  
*Department of State and Law Theory and History*  
*Astrakhan' State University*  
*galina.arsenjeva@yandex.ru*

The author considers the system of crimes against state fixed by the Criminal Code of 1903, presents the classification of crimes against state developed by Russian lawyers at the turn of the XIX<sup>th</sup>-XX<sup>th</sup> centuries, and comes to the conclusion that the legislator developed the system of crimes against state corresponding to the political development of Russia of the beginning of the XX<sup>th</sup> century.

*Key words and phrases:* code; crimes against state; treason; rebellion; foreign state; emperor; responsibility.

УДК 327

#### **Политология**

*Статья посвящена анализу трансформационных процессов на постсоветском пространстве на примере августовского конфликта между Россией и Грузией. При изучении результатов и последствий событий августа 2008 года становится очевидным, что конфликт не исчерпан, и ситуация остаётся напряжённой и непредсказуемой. Автор убеждён в необходимости поиска новых принципов взаимоотношений государств на постсоветском пространстве с учетом современных реалий мировой политики.*

*Ключевые слова и фразы:* процессы трансформации; международные отношения; постсоветское пространство; внешнеполитическая концепция; нормы международного права.

**Зейнаб Зелимхановна Бахтуридзе**, к. полит. н., доцент  
*Кафедра мировой политики*  
*Факультет международных отношений*  
*Санкт-Петербургский государственный университет*  
*zeinabb1000@list.ru*

#### **АВГУСТ 2008: НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОШЛОЕ И ИЗВЕСТНОЕ БУДУЩЕЕ<sup>©</sup>**

Сегодня Кавказ привлекает внимание всего мира, он считается одним из наиболее взрывоопасных и нестабильных регионов мира, возникновение конфликта в котором не проходит незамеченным и вызывает очередной дисбаланс в международных отношениях.

Отношения между Россией и Грузией после, а точнее уже в процессе распада СССР, приобрели конфликтный характер.

Несмотря на то, что грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты являлись внутренним делом Грузии, проблемы, связанные с их урегулированием, стали камнем преткновения в российско-грузинских отношениях. За все время существования этих конфликтов грузинское руководство не смогло выработать политических инструментов для полного урегулирования ситуации вокруг неконтролируемых территорий. Несмотря на неоднократные заявления с обеих сторон о согласованности мер в решении данной проблемы, Россия и Грузия постоянно прибегали к односторонним действиям, вызывающим осуждение противоположной стороны.

События августа 2008 года, которые очередной раз изменили тональность отношений между Россией и Грузией, получили достаточно подробное освещение в средствах массовой информации. Однако точка зрения на эти события и оценка этих событий в Москве и Тбилиси диаметрально противоположны, что вполне объяснимо: отношения между этими странами в период новейшей истории были и остаются напряженными. Все версии по поводу этих событий могут быть доказаны с привлечением «своего» арсенала аргументов, фактов и их интерпретаций. Возможно, мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле, точнее не узнаем истинных виновников этой трагедии, но это неизвестное прошлое ничуть не мешает нам вполне ясно увидеть, каким будет будущее, какими станут отношения между государствами, бывшими некогда частью единой державы, если очередной урок истории пройдет бесследно. Не имея намерения рассматривать произошедшие события с точки зрения описания этапов конфликта или поиска виновных, обратимся к внутренней сути произошедшего столкновения, вызвавшего столь пристальное внимание международного сообщества. Попытаемся ответить на вопрос: каковы последствия и результаты августовского конфликта, и чего стоит ожидать далее в этом направлении?

Как совершенно верно отметил Н. В. Загладин: «Значение российско-грузинской войны состоит главным образом в том, что она явилась одновременно и следствием, и нагляднейшим проявлением кризиса структуры и принципов построения миропорядка, утверждавшихся после распада СССР» [3, с. 111].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на тот факт, что влияние России на постсоветском пространстве Закавказья достаточно значимо, более того, участие России в политических процессах в данном регионе неизбежно. Нельзя не согласиться с К. С. Гаджиевым, утверждавшим, что «именно России суждено играть первостепенную геополитическую роль в обеспечении стабильности во всем Кавказском, включая и Южный Кавказ, регионе» [1, с. 327].

В настоящее время говорить о достижении стабильности в этом регионе не приходится, как и говорить о реальном прогрессе в достижении наиболее приемлемого решения для всех сторон, участвующих в конфликте. Очевидно, что накоплено «слишком много взаимных обид, претензий, незаживающих ран, разрушений, бедствий, злобы, ненависти, вражды и т.д.» [Там же, с. 329]. Поэтому вполне естественно, что в отношениях между Россией и Грузией наблюдается кризис доверия.

Единственным позитивным результатом многочисленных дипломатических встреч и переговоров явилось прекращение военных действий. Все остальные результаты могут быть оценены совершенно поразному с позиций той или иной стороны. Во-первых, Грузия окончательно потеряла контроль над территорией Абхазии и Южной Осетии, возврат которых под юрисдикцию Грузии был одной из наиболее часто декларируемых целей грузинского руководства с момента обретения независимости. Во-вторых, Грузия оказалась в центре информационного скандала, притом, с одной точки зрения, как жертва российской агрессии, а с другой — как циничный агрессор. В-третьих, важно и то, что пострадал имидж руководства Грузии внутри страны, как, кстати, пострадал и значительно поблек имидж США в сознании грузинских граждан, которые, по всей видимости, ждали от Америки более решительной поддержки.

При этом нельзя не отметить тот факт, что Абхазии и Южной Осетии не удалось добиться международного признания независимого статуса. А Россия, выступив в роли защитника и гаранта и признав эти две республики, оказалась, к сожалению, не в новом для себя образе политического противника и недруга грузинского государства. Хотя существует мнение, согласно которому поведение России в данном конфликте вызвало уважение со стороны мирового сообщества, повысило ее статус и продемонстрировало четкость и твердость позиции относительно постсоветского Кавказа.

Все вышесказанное дает основание заключить, что данный конфликт не завершен. Анализируя зарубежную прессу, мы находим заявления, подтверждающие этот вывод. Например, точка зрения Рональда Асмуса, заместителя помощника госсекретаря администрации Клинтона, опубликованная в Вашингтон пост [5]. И исходя из недавнего примера, мы не можем быть уверены, что дальнейшие попытки урегулирования конфликта между Грузией и Южной Осетией, Грузией и Абхазией будут носить исключительно дипломатический характер. Собственно говоря, такого рода уверенности никогда и не было у исследователей, которые оценивали события с позиций политического реализма. Как известно, политические конфликты имеют ряд особенностей, не просто отличающих их от конфликтов в других областях интеракции, но и придающих ходу конфликта более сложный характер, что влечет за собой непредсказуемое разрешение ситуации, которая практически всегда имеет опасность перерастания в вооруженные столкновения.

Как совершенно верно отмечено в докладе комиссии ЕС под руководством Хайди Тальявини, в трудном процессе «установления мира и стабильности в регионе» почти нет прогресса, «ситуация остается напряженной и изменчивой, и есть многие, кто боится возобновления военных действий» [2].

Известно, что в ходе переговоров по урегулированию грузино-южноосетинского и грузино-абхазского конфликтов выдвигались следующие варианты их решения:

- автономия Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии;
- федеративное по названию, но конфедеративное по сути государственное образование в составе Грузии, Абхазии и Южной Осетии;
- полная независимость Абхазии и Южной Осетии от Грузии.

Интересы и предпочтения сторон были диаметрально противоположны: Грузию, пытающуюся восстановить свою территориальную целостность, устраивал только первый из предложенных вариантов. Руководство Грузии отвергало саму идею федеративного и тем более конфедеративного государства, не без оснований полагая, что создание некоего «федеративного союза» может стать дальнейшим стимулом для активизации сепаратистских сил в других регионах страны [1, с. 335]. Высказывание министра Г. Барамидзе: «Ни о какой конфедерации, которая могла бы предусматривать расчленение Грузии, не может быть и речи» [Там же] — достаточно явно демонстрирует однозначность позиции.

Абхазия и Южная Осетия предпочитали последний вариант. К тому же, лидеры самопровозглашенных республик неоднократно высказывали пожелания относительно поддержки и помощи России в достижении поставленной ими цели. Они не скрывали своих намерений полностью или частично включить республики в состав России. Очевидно, что это не могло не вызывать соответствующую негативную реакцию грузинского руководства, которое и до этого уже не раз упрекало российскую сторону в наличии двойных стандартов по этому вопросу. К настоящему времени Абхазия и Южная Осетия де-факто и отчасти де-юре добились своей цели. Но ситуацию в регионе нельзя назвать стабильной и предсказуемой.

Что касается России, то, по всей видимости, в силу ряда причин ее устроил бы второй из предложенных вариантов завершения конфликта. Именно этот вариант был, пожалуй, как представляется автору, наиболее приемлемым и оптимальным для стабилизации ситуации и дальнейшего перспективного развития региона. Тем более учитывая тот факт, что он наверняка получил бы поддержку России и Запада.

Однако, как показало развитие событий, стороны оказались не готовы к совместному поиску компромисса, который смог бы, в конечном счете, удовлетворить интересы всех участников. Приходится констатировать, что к грамотному урегулированию конфликта были не готовы не только руководства, но и общества этих стран, ввиду совершенно неверно сформированного общественного мнения по данной проблеме. Тем не менее, согласно существующему праву наций на самоопределение, Южная Осетия и Абхазия «приобрели» статус независимых государств и их возвращение к ранее существовавшему положению практически немыслимо без глубинных перемен.

Во всей этой ситуации очевидно одно — российско-грузинская война обострила вопрос о глубоком противоречии современных международно-правовых норм, с одной стороны утверждающих суверенитет государств, с другой — ограничивающих его [3, с. 114].

Представляется бесспорным тот факт, что при наличии грамотно проведенной политики по формированию объективного конструктивно настроенного общественного мнения и соответствующей политики руководств государств по данному вопросу, проблема могла бы быть решена гораздо более достойно и, конечно же, без применения военного потенциала.

В связи с этим возникает ряд вопросов: почему такая политика не была осуществлена; кому выгодна сложившаяся ситуация, и является ли она результатом стечения обстоятельств или же — реализацией поставленной и достигнутой цели?

Самый удивительный парадокс заключается в том, что общество как совокупность людей, будь то общество отдельно взятого государства или мировое сообщество, всегда пропагандирует и приветствует мирное сосуществование, дипломатическое урегулирование кризисов, бескровную внутреннюю и внешнюю политику. Можно ли говорить о торжестве демократии, где роль общественного мнения в формировании политической реальности играет если не ведущую, то, по крайней мере, очень значимую роль? Или же необходимо все-таки задуматься над тем, что именно «торжество демократии» таит в себе множество опасностей, связанных с тем, что интересы и цели общества и власти существуют в разных плоскостях?

В отчете Независимой международной миссии есть удивительно верные и мудрые слова: «Война не закончила ни политический конфликт, ни многочисленные споры (проблемы), которые были заложены в основе принятых решений. Напряженные отношения все еще продолжают. Политическая ситуация после окончания войны оказалась не легче и в некотором отношении еще более сложной чем прежде» [2]. Именно это заявление должно иметь решающее значение, поскольку оно может считаться первым шагом к конструктивному поиску выхода из данной ситуации, но споры о том, кто начал первым, продолжают до сих пор.

Комиссия пришла к выводу, что все стороны несут ответственность за те потери и бедствия, которые понесли рядовые граждане. В этом конфликте нет победителей, каждый проиграл, по крайней мере, в области надежд и перспектив на будущее. Ситуация в зоне конфликта продолжает оставаться напряженной. Отношения между Грузией и Россией практически разорваны. Пострадал имидж мировой дипломатии, был ослаблен авторитет международных организаций и норм международного права. Деятельность миссий ОБСЕ и ООН в Закавказье не позволила (как и во многих других ситуациях) найти компромиссное, устраивающее все стороны мирное решение затянувшейся более чем на полтора десятилетия конфликтной ситуации [3, с. 112]. Приобрели большую напряженность отношения между западными державами и Россией.

Грузинский политолог А. Рондели справедливо отметил: «Распад СССР создал новую реальность, породив международные отношения между бывшими субъектами Союза. Иерархия советских межэтнических отношений уступила место процессам самоутверждения, дележу территорий, пересмотру прав и обязанностей, всеобщей неуверенности и страху, напряженности и агрессии» [4, с. 35].

Учитывая отношения между участниками, неопределённость правовой основы международных отношений и сложность структурирования нового миропорядка, приходим к неутешительному выводу: нестабильность, конфликтность и новые вызовы безопасности вполне вероятный сценарий будущего для Южного Кавказа.

Августовский конфликт 2008 года стал своеобразной точкой невозврата. Новые способы взаимодействия между государствами постсоветского пространства и выработка новых внешнеполитических концепций являются необходимым этапом дальнейшего развития.

Российско-грузинский конфликт выявил остроту проблем, существующих на постсоветском пространстве, которые нуждаются в превентивном урегулировании до возникновения очередного кризиса.

#### Список литературы

1. **Гаджиев К. С.** Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010.
2. **Доклад независимой международной миссии по расследованию конфликта в Грузии** [Электронный ресурс]. URL: <http://freedom.bb24.ru/viewtopic.php?id=693> (дата обращения: 15.08.2011).
3. **Загладин Н. В.** Конфликт вокруг Грузии в глобальном контексте // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России: сб. ст. М., 2010.
4. **Рондели А.** Южный Кавказ и Россия // Вестник Европы. 2002. № 7-8.
5. **Ronald D. Asmus.** How to Prevent another War in the Southern Caucasus [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2010. July 3. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/07/02/AR2010070204358.html> (дата обращения: 09.08.2011).

#### AUGUST 2008: UNKNOWN PAST AND KNOWN FUTURE

**Zeinab Zelimkhanovna Bakhturidze**, Ph. D. in Political Science, Associate Professor  
*Department of World Politics*  
*Faculty of International Relations*  
*St. Petersburg State University*  
*zeinabb1000@list.ru*

The author analyzes transformation processes within the former USSR by the example of the August conflict between Russia and Georgia, shows that while studying the results and consequences of the events of August 2008 it becomes apparent that the conflict is not over and the situation remains tense and unpredictable, and substantiates the need to search for the new principles of the relations between the states within the former USSR taking into account the contemporary realia of the world politics.

*Key words and phrases:* transformation processes; international relations; former USSR; foreign policy conception; norms of international law.

УДК 115

#### Философские науки

*В данной статье рассматривается проблема понимания времени как теоретико-познавательной категории. После кантовской философии такой взгляд на время относительно мало исследовался в философской литературе. В этом представляется научная новизна темы, которой посвящена статья. В работе излагаются взгляды на хронологическую проблематику в рамках онтологии, теории познания и, в большей степени, философской антропологии. В статье раскрываются проблемы хронологической рефлексии, существования, возможности знания и историко-философские особенности становления круга проблем категории «время».*

*Ключевые слова и фразы:* время; онтология; гносеология; Просвещение; экзистенциализм; хронологическая рефлексия; существование; последовательность.

**Алексей Евгеньевич Бугаев**

*Кафедра социально-гуманитарных дисциплин  
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире  
alexeybugaev@gmail.com*

#### КОГНИТИВНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ВРЕМЕНИ<sup>©</sup>

Существование неразрывно связано со временем. Эта мысль максимально подробно была отрефлексирана М. Хайдеггером, в частности, в работе «Бытие и время» [4, с. 411]. Однако вопрос об осознании или понимании времени как когнитивного усилия остается весьма интересным.